

РЕЦЕНЗИИ

А. Б. Бочаров

«...ЕСТЬ ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА»*

Размышлять о себе всегда интригующе приятно, как известно из личного опыта каждому, только о себе многие говорят много и со вкусом. Очевидно, поэтому жанр исповеди и личного дневника в литературе является одновременно как самым древним, так и самым распространенным во многих культурах. Пример России в этом смысле представляется крайне характерным: у нас исстари, начиная от проповедей митрополита Иллариона и заканчивая проповедями Солженицына, взято за культурную норму рефлексировать над собственным прошлым, проблематизировать настоящее и гадательно рассуждать о будущем. С известной долей условности, но можно утверждать, что вся история культуры России написана в единственном жанре, жанре гигантски разросшейся по своим масштабам и бесконечной во времени книги-исповеди, в которой — беспрестанное самовываривание в бесчисленных вариациях на одну и ту же заданную тему: о самих себе. В русской культуре эта донельзя страшная психологическая изломанность получила свое разностороннее художественное выражение и писательское толкование так, что это дало повод одному умному человеку не без злой иронии заметить, что Россия знает только два извечных для себя состояния: либо самооплевывание, либо самооблизывание. Действительно, безотносительно к тематике во всем, что написано о России и касается так или иначе ее культуры и истории, поражает прежде всего уже изначальная теоретическая предвзятость, засилье эмоций и полемическая одержимость в отстаивании своей и в опровержении чужой точки зрения. Выдержанный тон, строгий и объективный анализ, неспешность формулировок и продуманность выводов — явление, увы, крайне редкое в огромном массиве отечественной историософской и культурологической литературы. Тацитовское «без гнева и пристрастия» у нас пусть часто и цитируется, но мало практикуется.

Вот почему выход в свет книги известного московского писателя и философа В. К. Кантора «Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки», выпущенной издательством «Российская политическая энциклопедия», этот пробел, — как нам кажется, сделает на одну книгу меньше. Всякая рецензия представляет собой переросшую свои границы аннотацию по причине жанровой необходимости включения в нее замечаний личного свойства. Сразу хочется отметить, что среди подобных эту книгу, посвященную, по-видимому, вечной для России проблеме ее исторической и цивилизационной самоидентификации, выгодно отличает отсутствие напускной велеречивости и полемической взвинченности с одновременным присутствием «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Помимо того факта, что в ней есть много того, что идет от сердца, в ней также есть немало другого, что идет от головы. Уже в

*Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь цивилизации: Историософские очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 479 с.

предисловии автор так выразился о своем видении проблем, затронутых в книге, и о трудностях, с этим связанных: «Понять их, не впадая в иллюзии или панику, трудное дело» (с. 9). В положительный актив этого произведения следует сразу отнести то обстоятельство, что автору удалось в содержательном плане свести к минимуму количество замечаний личного свойства. В целях же строгой объективности следует заметить, что ответ на вопрос, о чем эта книга, с исчерпывающей полнотой дает аннотация к ней, в которой перечислены те сюжеты, что составили ее содержание: «...отношение России к Западу; противостояние стихийных элементов цивилизационно-организующим; тип национальной ментальности; роль степного начала как препятствия на пути к праву и закону; фактор насилия, всегда служивший провокацией к цивилизационным срывам в России; отсутствие подлинной бюрократии при засилии чиновников; не сложившийся механизм смены поколений; страх буржуазного предпринимательства и роль литературы в христианизации страны, утверждении в ней идей просвещения и свободы» (с. 2). Комментарии, как говорится, излишни: сюжеты не просто интересны, они захватывающе интересны. Конечно, в целях той же объективности надо оговориться, что об этом писали, и не раз. Однако пусть не новы основные положения, зато вновь внеочередная интонация и любопытны смысловые акценты. Так, в статье «Западничество как проблема «русского пути» есть интересный диалектический обертон, когда Кантор пишет о том, что испугавшаяся европеизации часть народа, вынужденная жить религиозно и экономически самостоятельно (имеются в виду раскольники), как бы вовне и помимо государства, раньше и *органичнее пришли к западному пути, чем оставшаяся с правительством*. В итоге, западниками больше всего оказывались те, кто менее всего об этом говорили.

Вообще, по структуре книга составлена из разных статей, написанных, по-видимому, и в разное время, объединенных, однако, одной темой — темой историософского постижения России. Помимо содержательной однородности, их объединяет и стилистическая, поскольку все статьи написаны в жанре очерков. Это заметно прежде всего по языку: книга написана живым, доходчивым и образным стилем, сказывается литературная школа автора (прежде всего русская), и объясняется, вероятно, тем, что, не прибегнув к художественной условности литературных средств изложения, невозможно было бы «вогнать» проблематику и содержание русской истории в объем 15–20-страничной статьи. Вместе с тем, эта непринужденная манера письма хорошо увязывается с вполне серьезным и строгим до научности подходом автора к проблемам русской истории.

По Кантору, проблематика русской культуры, а шире, «проблематика каждой культуры скрывается в ее истории, есть сама история» (с. 17). Бесспорно, подход не нов, он встречается у Гегеля (предмет есть его история), а у нас задан еще Чаадаевым, который настоятельно рекомендовал за философским объяснением обращаться к истории, она для него была «ключом к пониманию народов». Правда, в отличие от Чаадаева, для которого обращение к русской истории сразу привело к обнаружению «пробелов» в ее понимании, Кантор настроен более оптимистически и его подход более конструктивен. Во всех статьях он предпринимает своеобразную сводку перечня факторов, сыгравших ту или иную роль (положительную или отрицательную) в россий-

ской истории. Пример: статья «Демократия как историческая проблема России», в которой автор проводит типологию причин, сыгравших, на его взгляд, отрицательную роль в практическом осуществлении демократии в России. Причин в итоге несколько: «Удельная Русь: зародыш противоправных отношений», «Татарское нашествие: бесправие как принцип жизни», воспрепятствовавших демократизации российских политических институтов, и ряд положительных факторов, которые могли бы стать (к сожалению, не стали) реальными факторами демократизации политических институтов в России: «Князь—народ—дружина: договорное право», «Создание дворянства — граждански-правовой силы в неправовом государстве». Авторское резюме: «но теперь Россия, кажется, получила шанс на иной путь развития. Не более, чем шанс. Но в исторической перспективе это совсем не мало» (с. 243). Звучит, согласитесь, утешительно.

В. К. Кантор — автор «очень» русский (затрудняюсь сказать, достоинство это «очень» или недостаток), и это обстоятельство сразу же бросается в глаза при прочтении во второй части книги, где он, отдавая дань распространённому в России литературоцентризму, пропускает историю сквозь сито русской литературы. Так, в статье «Русская литература: желание и боязнь капитализма (Пушкин и Гоголь)» на примере пушкинского Онегина с его увлечением английской политэкономической литературой, с одной стороны, показывается, что у нас были те люди, в сознание которых проникали идеи рачительного хозяйствования, а с другой, на примере гоголевских персонажей демонстрируется обратное — отсутствие укорененности в русском сознании идей постоянного и кропотливого труда. Конечно, в строгом логико-онтологическом смысле статус существования А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и статус существования их героев — не одно и то же. Если первые существовали на самом деле, то вторые — только в творческой фантазии первых. Однако, памятуя о том, что поэт в России больше, чем поэт и «Евгений Онегин» Пушкина — «энциклопедия народной жизни» (выражение Белинского), попытка Кантора в драматических сюжетах русской литературы увидеть отражение ее исторических коллизий представляется вполне оправданной. В итоге, на примере известных литературных персонажей демонстрируется любопытный штрих к портрету российской ментальности, когда прямо пропорционально росту материальных богатств появляется зуд желаний их транжирить. Принимая эстафету выше упомянутого литературоцентризма, думаю, что прав не Лотман, полагавший, что «Чичиков — приобретатель», а Кантор, утверждающий, что «Чичиков — мошенник», а также соглашусь с Ноздревым, увидевшим в Чичикове Наполеона: для Чичикова, как и для Наполеона, власть, как деньги — нужна вся и сразу.

В заключении своей книги В. К. Кантор очень тактично, спокойно и взвешенно касается сквозной для всей русской историографии проблемы — проблемы метафизической таинственности и загадочности русской души и истории, отмечая, что известное тютчевское «умом Россию не понять...», ставшее формулой заклинания для *русских* исследователей и камнем преткновения для зарубежных, «...свидетельствует, скорее, о метафизическом отчаянии поэта, отчаянии, принадлежащем определенной мыслительной традиции» (с. 467). Трудно не согласиться в этом с автором: столь долгое время культивировавшийся у

нас тезис о принципиальной несхожести рационализма Запада и иррационализма России стал на самом деле устойчивой и трудно преодолимой абберацией сознания, источником заблуждений и ошибок.

И в заключение позволю себе замечание сугубо личное: мне, как читателю, всегда нравились те книги, в синтаксисе которых встречается больше знаков вопроса, чем знаков восклицания. За знаками вопроса, как правило, всегда стоит мысль, а за знаками восклицания чаще всего скрывается только эмоция. Уже только поэтому — это умная книга, что, поверьте, есть верный знак ее качества.